



Art de vivre, или Искусство жить

Взгляд из Парижа

Ян Авриль | Fitzroy Magazine

Юлия Нейо / Искусство жить (<https://fitzroymag.com/art-de-vivre/>) 29 января, 2020

Что такое **Art de vivre** (по-русски произносится — ар-де-вивр)? Разумеется, “искусство жить”. Но что включает в себя это понятие, такое близкое по смыслу к глянцевому лайфстайл, но такое далёкое от него по сути? Оно целиком и полностью соответствует французской жизненной парадигме получения удовольствия от жизни. Если вас, из последних сил зарабатывающего все деньги мира, удивляет, зачем обедать по два часа каждый будний день, а в выходные аж по четыре, то вы ещё не только не постигли французский дзен, но даже не приблизились к нему ни на йоту. Здесь, в стране победивших Свободы, Равенства и Братства, подобными вопросами не задаются. Просто живут. Потому что так приятнее.

Потому что, как ответил на мой вопрос один парижский стоматолог, очередь к которому была расписана на месяцы вперёд, а он принимал лишь по три часа в день: “Мы работаем, чтобы жить, а не живём, чтобы работать”. И, кажется, это самое точное подтверждение существования ар-де-вивр в его оригинальном значении.

Но кто может рассказать об искусстве жить лучше, чем сами французы? С арт-директором журнала Fitzroy Яном Аврилем мы встретились в бистро на авеню де Сюффрен. Место со всех сторон знаковое — тут тебе и вид на самый главный туристический символ Парижа, Эйфелеву башню и Марсово поле с одной стороны, и на Военную Академию, во дворе которой проходят прощания со всеми выдающимися людьми Франции — от Ширака до Азнавура — с другой. Тем удивительнее, что туристов здесь практически нет, а столики во всех окрестных заведениях заняты исключительно местными.

Ян, разумеется, опоздал. Потому что для французов опоздание — это часть ар-де-вивр. Не потому, что они никуда не торопятся, а потому что им всё равно, и они живут по принципу “пусть весь мир подождёт”. Опаздывая же, они никогда не скажут “я виноват”, но всегда найдут повод

оправдаться тем, что “сосед перекрыл выезд” или “транспортники опять бастуют”. Или вообще никак не будут оправдываться. Зачем? К этому нужно просто привыкнуть. Испытывать чувство вины за своё получасовое опоздание — это не комильфо, да и не нужно: прекрасный день, а ты ведь пьёшь вино, подставляя лицо солнцу, как тебе вообще может не нравиться тот совсем недолгий, по их мнению, период ничегонеделания, во время которого ты, в конце концов, можешь почитать книгу, посмотреть ленту Facebook или просто полюбоваться окрестностями?!



В этом спокойном течении жизни удивительным образом совмещаются вещи совершенно несовместимые: недовольство всем и вся, но при этом стоическое спокойствие, скажем, в очередях к булочнику за правильным багетом (ведь багеты же бывают совершенно неправильные, если вы не знали) — очередь движется неспешно, булочник обсуждает здоровье собачки своей постоянной бабушки-клиента, стоящие за нею одобрительно кивают головами, чтобы, когда придёт их время, так же точно поделиться новостями своей семейной жизни с продавцом. И никто не ропщет, потому что ничего в этом странного и страшного нет. Зато самому пуститься в долгие рассуждения о том, что правительство делает ужасные вещи, улицы с каждым годом убирают всё хуже, а время пролетает в бессмысленных разговорах — ничуть не заботясь о тех, кто ожидает своего багета за твоей спиной — совершенно в порядке вещей. Как и быть ультра-левым в своих политических взглядах, но встречи назначать в Le Fouquet или L'Apicius, где ужин обходится в годовую зарплату какого-нибудь сомалийского докера, рассуждать на них о тяжёлой жизни рабочего класса и тем же вечером отбыть на собственную виллу на Кап-Ферра. Почему?

Главное в ар-де-вивр — свобода

“Да потому, — отвечает Ян, — что ар-де-вивр — это врождённое умение делать много ненужного и невыгодного. Потому что это, в первую очередь, означает жить, а не существовать. Существовать может муравей. Ну, или, скажем, москвич. А жить получается не у каждого. Это не наука, это опыт и практика, а не справочники и заученные правила, почерпнутые из модных журналов. Это не теория из букв и статей, а жизнь. На одной стороне весов — правила, которые составляют незыблемые основы общества, на другой — доскональное знание этих правил, которые можно изящно нарушить. Если хватит смелости. Потому что главное в ар-де-вивр — это свобода”.

И эта свобода навеки, кстати, закреплена в Конституции Франции абзацем “La liberté c’est la possibilité de faire tout ce qui ne nuit pas à autrui” (Свобода — это возможность делать всё, что не вредит другим). И хотя русскоязычные очень любят цитировать фразу, приписываемую

анархисту-Бакунину: “Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого”, — это в корне неверный принцип. Твоя свобода вовсе не заканчивается там, где начинаются правила и свободы другого. Потому что свободный человек, соблюдающий концепцию ар-де-вивр, даст тебе такую же свободу жить и наслаждаться жизнью, что есть у него.

“Нельзя путать ар-де-вивр с правилами стиля, — продолжает Ян. — Даже обезьяна может выучить правила красного и белого вина. Обезьяна же может усвоить, что нижнюю пуговицу пиджака никогда не застёгивают, а галстук на важные встречи стоит повязывать обязательно толстым виндзорским узлом. Люди, наделённые этими знаниями — не больше, чем пустышки, раскрашенные павлины в хороших костюмах, под которыми ничего нет. В чём цель такого человека? Во внешних факторах — яхта, дом с бассейном, длинноногая красотка с интеллектом школьника начальных классов, в увесистых банковских счетах, распаханных по всему миру, чтобы не дай бог не переплатить лишнюю копейку налогов. В желании постоянного обогащения и следованию лимитам, навязанных социумом. Но в этом нет свободы. В этом нет жизни.

И, если все понимают, что заявиться на приём black-tie одетым, как клошар — это нарушение правил, то нужно осознавать, что правила у всех разные и лимиты тоже. Если тебе неудобно в жёстких лакированных ботинках от A. Testoni, то даже на приём к Президенту ты можешь прийти в кедах Converse, просто потому, что твоя свобода простирается далеко за пределы заклеивания пластырем стоптанных до крови ног в туалете Елисейского дворца.

Нужно чётко понимать, что невозможно получить всё. Но возможно получить что-то тебе удобное и приятное. Просто нужно соблюдать баланс. Баланс — вот основополагающий принцип общества, основа свободы и искусства жить.

Потому что, в первую очередь, всё, что мы делаем — мы делаем для себя. В чём твой выбор? Жизнь — сама по себе выбор. Когда мы едим что-то вкусное — мы делаем хорошо в первую очередь себе, если, конечно, врач не предписал другого. Когда мы носим хорошую, красивую одежду, сшитую из хороших тканей — это, в первую очередь, хорошо для нас. Мы не должны подстраиваться под кого-то, делать что-то для кого-то. Просто нужно понять, что всем пофигу с одной стороны, но с другой — всем до всего есть дело”.

То есть, говоря проще, настоящий ар-де-вивр — это, в первую очередь, соблюдение двух, казалось бы, взаимоисключающих вещей: savoir-vivre, хороших манер, и перекочевавшего из экономики в простой язык понятия laissez-faire, вседозволенности.

Вот, скажем, в ближайшем магазине из-за длящихся уже два месяца забастовок случился перебой с вином. Француз явно среднего класса, этаким работником скучного офиса с зарплатой, вряд ли сильно превышающей МРОТ, грустным взглядом оглядев пустые полки, со вздохом положил в тележку три бутылки вина Gigondas по 22 евро, произнеся: “Нормальный такой субботний ужин получится, мяса можно не подавать”. И улыбнулся. Потому что всё, что будет завтра — совершенно неважно.

Моя знакомая Мари-Ортанз из семьи с фамилией такой длинной, что неудобно произносить и даже неудобно упоминать в приличном обществе, чтобы тебя не приняли за сноба,

хвастающегося “высокими” знакомствами, одевается в H&M и живёт в съёмной квартирке в квартале Бют-о-Кай, потому что ей “так комфортно и недалеко до работы”. На стене её крохотной гостиной, аккуратно над неработающим (потому что запрещено в больших городах) и навеки заложенным кирпичами камином висит самый настоящий Мондриан (“Бабушка подарила, мне — так себе, если честно, но неудобно продавать, она обидится”), а вино, купленное в соседнем супермаркете за 5 евро, она подаёт в винтажных хрустальных бокалах Баккара (“Ну, не смотреть же на них?”).

Мари-Ортанз может на вкус отличить Petrus от Cheval-Blanc и даже без запинки угадать год его выпуска, но она так же спокойно покупает шаурму у алжирца на углу улицы и верит в то, что все русские наизусть знают Пушкина, умеют играть на всех в мире инструментах и с ними легко обсуждать Сартра и Витгенштейна. При этом она абсолютно убеждена, что все равны, даже вот тот клошар, обнявший пакет из бюджетного супермаркета Lidl, и вот тот африканец с плохим французским, в палёном костюме Adidas, у которого она периодически покупает травку.

Но, если вы полагаете, что ар-де-вивр — это жить одним днём, это не так. Планировать глобально французы умеют — отпуск в горах покупается летом, а отдых на море — сразу после окончания текущего пляжного сезона. Они вряд ли потратятся на ужин в незнакомом ресторане, даже если за соседним столом будет сидеть какой-нибудь селебрити, но они с лёгкостью оплатят ужин для себя и друзей в месте, где всё будет дороже, но все будут довольны. И они с радостью будут доказывать вам, что мясо в этой лавке много лучше, чем через дорогу. Потому что споры — это тоже часть ар-де-вивр. И спорить можно о чём угодно — от политики и погоды до действительно ли Ален Делон такая сволочь, как утверждает бабуля с газетой и сигаретой за соседним столом, наверняка заставшая Раймона Пуанкаре президентом. Единственное, о чём никто не станет спорить — это о собственных свободах.



Именно поэтому бастуют вот уже больше года Жёлтые Жилеты и больше двух месяцев вообще все — от учителей и балерин до адвокатов и врачей — в отличие от транспортников, умело распределяя дни своих забастовок, чтобы не ограничивать свободу других. Не потому, что они не хотят работать дольше положенного, а потом получать чуть большую пенсию, а потому, что закон о пенсионной реформе посягнул на самое святое для французов, на их ар-де-вивр. Потому что хотят соблюсти баланс необходимости и удовольствия, начинают думать о пенсии ещё на университетской скамье, и точно знают, что по достижении определённого возраста смогут полностью посвятить себя семье, обзавестись домиком вместо квартиры, общаться с внуками, за завтраком пропускать по рюмочке кальвадоса и никуда не спешить. Потому что семья и личная жизнь — важнее денег, всех их никогда не заработаешь, а потому не стоит и стараться. И потому что они прекрасно знают, что жизнь — это то, что происходит именно сейчас, и её нужно прожить, а не сохранить на будущее.

Текст: Юлия Нейо

Фото: Ян Авриль